Автор: Агафонова (Баева) С. (Россия)

Одно из выдающихся достижений С. Кьеркегора — описание широко использующейся в практике экзистенциального консультирования топологии форм человеческого существования (Кьеркегор, 2001).

Хочу акцентировать внимание на том, как происходит, по Кьеркегору, смена этих форм. Именно в нюансах этой смены появляется место для того явления духовной жизни, которое можно назвать Выбором. Такое задание понятия Выбор позволяет его различать от того, что часто называют выбором, но что таковым, по С. Кьеркегору, не является.

Согласно Кьеркегору, Выбор наступает тогда, когда в своей жизни человек доходит до отчаяния, тупика — переживания того, что так жить дальше, как он жил до этого момента, уже невозможно. При этом не имеет значения, как именно он жил: как принято, или плывя по «волнам своих чувств», или пытаясь соответствовать строгим этическим принципам (Лелик, 2012). Просто те правила его жизни, которые действовали раньше, уже исчерпали себя. Можно, конечно, сделать вид, что все идет своим чередом и все хорошо, но этот самообман только создает и нагнетает в жизни ситуацию, которую можно уподобить перегретой жидкости, вскипающей взрывообразно, неожиданно и непредсказуемо превращающейся в пар. Так же и человек, уходящий от Выбора в самообман, нередко неожиданно прекращает жизнь свою и/или разрушает все вокруг.

В фильме «Восхождение» есть иллюстрация того, как человек попадает в ситуацию бызвыходности, когда прежние способы жизни в новых условиях перестают «работать». Два главных героя (Сотников и Рыбак) — партизаны, во время разведки в оккупированной Германией Советской Белоруссии 1942 года попадают в плен, и каждому приходится делать свой выбор: умереть «с чистой совестью» или остаться жить ценой предательства. Сотников выбирает «чистую совесть» и идет на смерть. Рыбак же, привыкший решать вопросы вполне конкретно и успешно (найти продукты, спасти напарника), в данной ситуации оказывается не готов к такой цене, как собственная жизнь, пытается «снизить цену»: сначала не может никак найти удобный момент для побега, все откладывает побег и откладывает, а потом не может никак найти такую формулу взаимодействия с оккупационными властями, при которой он мог бы остаться цел и не предавать своих при этом. Ему важно остаться в выигрыше, хотя бы в собственных глазах. В результате он становится предателем, обманывая себя, объясняя, что у него разработан план мести фашистам, что «все идет хорошо», что он вводит фашистов в заблуждение, чтобы потом... Но никакого «потом» не наступает. Фашисты методично ведут его к тому, чтобы он публично зафиксировал факт предательства, став палачом своего товарища.

Рыбак, живя той, по-видимому, лукавой жизнью, которой привык жить, приходит в тупик. Оказывается невозможным сохранить себе одновременно и жизнь, и достоинство. В фильме показаны моменты, когда Рыбак, вроде бы, осознает необходимость Выбирать, и на него, казалось бы, находит полное отчаяние от мысли «что я делаю!», но он ничего не меняет. В конце концов, когда он сталкивается с реальностью и понимает, что он предпочел остаться в живых ценой потери своего достоинства, а значит — потерпел поражение, то делает попытку сбежать от такой жизни в суицид. Суицид не удался. Герой в отчаянии.

Удастся ли ему совершить прыжок, поменять всю свою жизнь, рискнуть, уйти от немцев? Это остается за рамками фильма.

Между прочим, с этого, с решения уйти, потому что жить полицейским невмоготу, а побег в пьянство не помогает, начинается другой фильм нашего знаменитого режиссера — А. Германа, подхватившего эстафету погибшей Л. Шепитько — фильм «Проверка на дорогах».

Тупик всегда сопряжен со страданием, ведь что бы ни выбрал человек, он выбирает «из двух зол»; ему представляется, что он выбирает между плохим и совсем плохим. Само основание выбора не дает человеку возможностей хорошего выбора. Именно недееспособность этих оснований (способов жить) формирует безвыходность, из чего рождается отчаяние. И Выбор, по Кьеркегору — это смена самих оснований, на которых производится выбор.

Бывает, что человек попадает в ситуацию тупика, безвыходности, и вроде бы страдает, но все же не доходит до того преобразующего отчаяния, о котором пишет Кьеркегор. Вот случай из практики экзистенциального консультирования: клиент, мужчина, не может сделать выбор между женой и любовницей. Он вроде бы страдает от угрызений совести и от самой необходимости принять решение, но при этом продолжает избегать его. И вот наконец он принимает решение о том, как ему жить дальше: любить любовницу, но не оставлять жену, заботясь о ней и о детях. Но совершает ли он Выбор? Это легко выявить по нескольким признакам: во-первых, по Кьеркегору, Выбор начинается с тупика, переживания того, что «дальше я так жить не могу», что в данном случае фактически никак не проявляется. По факту, жизнь его не меняется. Он как жил с двумя женщинами, так и продолжает жить. Он придумывает себе успокаивающую мысль, что он хороший человек, но так получилось, что не на сто процентов — но уж на семьдесят пять точно хороший. И эта мысль действительно его успокаивает. Хорошо сказано у К. Воннегута: «И я придумал ложь — лучше не соврешь, что этот грустный край — сущий рай». Во-вторых, Выбор — это отказ. В данной ситуации он ничего не потерял и ни от чего не отказался. В ситуации безвыходности он нашел выход в самообман. Но это вряд ли можно назвать решением — скорее похоже на побег от решения. Ведь не сделан Выбор, который способен изменить способ жизни. Побег от отказа от прошлых, уже изживших себя к настоящему моменту, смыслов жить или принципов жизни, или способов жить. Побег может совершаться в сумасшествие (Денискова, 2011), в самообман, в самоубийство (Максимова, 2012). Такое поведение позволяет, даже находясь в отчаянии, не Выбирать изменения своей жизненной

позиции.

В описанном выше случае клиент нашел для себя выход из сложившейся в его жизни ситуации, не делая Выбора. И если, вспоминая сюжет фильма «Осенний марафон», ни одна из женщин не дестабилизирует ситуацию, — она может тянуться до конца дней — его или одной из женщин. Можно сказать, что имел место псевдовыбор. Псевдовыбор — это «как бы» выбор: я внес в свою жизнь определенность в том, что люблю одну, продолжая отношения с другой, и в этом я решителен — в том, чтобы ничего не менять. Некоторые современные психологические школы как раз и предлагают рецепт — «принять себя такого» и ничего не менять. Но псевдовыбор — симулякр. Потому что человек не исчерпал той формы жизни, которой жил до сих пор, и даже не подошел к альтернативе между ней и совершенно другой формой жизни.

Но как человек может подойти к самой мысли о смене формы жизни? По Кьеркегору, только если человек доходит в своей жизни до переживания тупика, безвыходности, и в этом переживании доходит до дна, пьет эту горькую чашу отчаяния до конца. И здесь возникает точка бифуркации. Кьеркегор не описывает, как именно она возникает. Он верит и знает, что обязательно возникает. Вот пример из популярного романа Л. Улиц¬кой «Даниэль Штайн, переводчик». У двоих прихожан священника Даниэля, Хильды и Мусы, возникает роман. При этом Муса женат, и у него трое детей. Они оба понимают, что это не очень хорошо, не согласуется никак с их религиозной этикой, но не могут остановиться. Переживание неправильности своей жизни нарастает. И когда они, выехав в совместный отпуск, получают известие о том, что сын Мусы находится в реанимации в тяжелейшем состоянии, то наступает перелом — они берут на себя обет расстаться и начать жить по-настоящему, по Заповедям. И, надо сказать, мальчик выживает, выздоравливает.

Можно прожить свою жизнь, так и не дойдя до тупика, не испытав отчаяния или раз за

разом убегая от него. При этом можно регулярно принимать всевозможные решения. Кьеркегор напоминает нам, что это — псевдовыборы, не преобразующие нашу жизнь, ее форму. Можно использовать метафору из зоологии: гусеница, сколько бы она не ползала и не извивалась, не станет бабочкой, если не сменит форму. Основаниям, на которых строилась жизнь до момента возникновения тупика, нужно дать умереть, чтобы родились новые. Когда в нас умирает что-то привычное, ценное, что мы привыкли считать самим собой, нам кажется, что умираем мы сами. Такой знаменитый богослов, как Антоний Сурожский, в своих размышлениях об известных ему случаях исцеления от тяжелых болезней пишет: «быть исцеленным не означает только стать целым, чтобы вернуться обратно к такой жизни, какой мы жили прежде... это значит быть целым для того, чтобы начать новую жизнь... мы должны быть готовы стать... новым человеком через смерть прошлого для того, чтобы начать жить заново» (Митр. Сурожский, 2005, с. 34).

ЛИТЕРАТУРА

1. Денискова Е. «Побег в сумасшествие» через призму экзистенциального анализа Л. Бинсвангера: случай Ивана Карамазова // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2011. № 1 (18). С. 53 68.

2. Кьеркегор С. Или-или. СПб., 2011.

3. Лелик А. Архипелаг Кьеркегора // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2012. № 1 (20). С. 30 40.

4. Максимова Е. Самоубийство как ответ человека на вызовы бытия в условиях сужения видения жизненного пространства // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2012. № 2 (21). С. 96 106.

5. Митрополит А. Сурожский. Об исцелении // Экзистенциальная традиция: философия,

психология, психотерапия. 2005. № 2 (7). С. 33 34.